

ЧТО ТАКОЕ «ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО», ИЛИ В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ЖИТЬ?

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **Вал. А. Луков**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАО **Л.П. Буева**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С. Гуревич**.*

Гуревич П. В 360 году до н.э. выдающийся античный философ Платон написал книгу «Государство». В ней он обосновал проект идеального государства. Этот образ безупречного человеческого общежития Платон развил «Законах». Особую роль в этом замысле придавалась справедливости. Обращаясь к социальной структуре совершенного общества, Платон думал о гармоничном сосуществовании разных сословий. По мысли философа, управлять государством должны философы, мудрые граждане, аристократы. Они обязаны любить свой Город и ощущать громадную ответственность за судьбы людей. Платон озаботился также порядком, который должен быть в этом государстве, отдав «стражам» право думать о безопасности Города и налаженности всего социального бытия. Что же касается земледельцев и ремесленников, то Платон стремился «укоротить» их всегда растущие вожделения. Итак, совершенное государство — это такое государство, в котором преобладает умеренность, мудрость, мужество и сила.

С легкой руки британского философа Карла Поппера такое государство назвали тоталитарным, даже «фашистским». Но многие социальные мыслители иначе оценивали данный проект. В нем находили ресурсы для демократического общества. В конечном счете, некоторые социальные философы считали его никогда нереализуемым идеалом. Прошли многие столетия. Социальная мысль пережила огромные потрясения от катаклизмов истории, пытаясь осмыслить ее логику, возможно, заключенную в ней справедливость, гарантию мира внутри социума, благоденствие для всего человеческого рода.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Как вы оцениваете этот социальный проект, считаете его — идеальным, романтическим или дисциплинарно-принудительным?

2. Получили ли реализацию хотя бы отдельные мысли философа о равенстве, справедливости, порядке или проект оказался абсолютно утопическим?

3. Как можно оценить современное российское общество в параметрах Платона? В каком обществе вы хотели бы жить?

1. Как вы оцениваете этот социальный проект, считаете его — идеальным, романтическим или дисциплинарно-принудительным?

Луков В. Вряд ли здесь нужно противопоставлять три названные вами, Павел Семенович, атрибутивные черты. Здесь, возможно, и нет места для выбора, поскольку идеальность предполагает и некий светлый образ, который часто называют романтическим, и ту кристаллизацию, заостренность форм, которая в обществе не достигается иначе как дисциплиной и принуждением.

Буева Л. Насчет того, чтобы укоротить вожделения людей — Платон, безусловно, провидец. Ведь известный американский социолог Даниэль Белл вывел даже специальный закон — социальный инстинкт, ведущий к росту человеческих потребностей в современном обществе. Он отмечал, что человечество не в состоянии обеспечить эту революцию растущих ожиданий. Платон ведь не мог знать, что произойдет сегодня в арабском мире: в Тунисе, Ливии, Египте, Иордании и в целом ряде других государств.

Гуревич П. Вопрос поставлен мною в другой плоскости — дело не в том, что мы назовем эти атрибутивные черты платоновского проекта — романтика, социальная подневольность или одна из версий многоликого утопизма. Я ждал ответа в ином хронотопе. Что показала история? Удалось ли Платону выразить некие эталонные признаки общества, в котором многое, если не все, выстроено идеально. Или наоборот, будем считать, что Платон — социальный романтик. Ему помстилось, что его проект обладает достоинством правоты, исключительности. Но можно, вероятно, оценивать в этом проекте его дисциплинарную принудительность. Тогда нам пришлось бы присоединиться к Карлу Попперу и полагать, что Платон действительно предтеча тоталитарных режимов. Итак, в социальном проекте античного мудреца есть все, но нам нужен не семинар по Платону, а размышление о том, как все это аукнулось в истории, каков многостолетний опыт обживания социума, направленный на выработку оптимального общественного бытия. Что же все-таки может служить моделью для нас и наших потомков? И, наконец, сумело ли человечество в своей разнообразной политической практике и интенсивной социальной рефлексии создать другой проект, который позволил бы нам не обращаться к Платону?

Луков В. Хочу заметить, что Платон строил свое идеальное государство как последовательное воплощение принципа социальной справедливости и порядка, делающего жизнь, организацию жизни простой и понятной. От ремесленников ожидается, что они обеспечивают материальное благоденствие, и этот их вклад в государственное целое достаточен, чтобы ставить перед ними какие-то особые нравственные задачи. Но если два высших слоя общества — стражники и правители — занимают это самое высшее место, то из их общественной функции, а не из чего-то иного, вытекают высокие требования к их готовности выполнять соответствующие высшему предназначению обязанности.

Буева Л. Да, организация социальной жизни должна быть простой. Но кому и что должно быть понятно? Ведь сегодня многие люди сознательно уходят во внутреннюю эмиграцию, не хотят быть гражданами. Они предельно деполитизированы и не интересуются, как вообще устроен социальный

организм. Проблема массового филистерства, которая волновала Артура Шопенгауэра, неизбывного конформизма, проанализированного Теодором Адорно или Эрихом Фроммом, показала, что население зачастую не хочет даже этой простоты. Оно не вовлекается в гражданское общество. Да и справедливость понимает сугубо эгоистически. «Мне положено то, что есть у других». Рекламный слоган: «Вы этого достойны». Недавно услышала разговор двух подружек. Одна из них всхлипывала: «Мне исполнилось 18 лет, а родители не купили мне машину». Другая очень сочувствовала и тоже причитала: «Как же так? Ведь тебе уже 18 лет».

Луков В. Но Платон как раз и считал, что «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие — это и есть справедливость. Иначе общество будет поражено хаосом. Знать свое место и не посягать на несбыточное.

Гуревич П. Согласен, что несомненное достоинство данного идеального проекта в том, что он предельно прозрачен, понятен каждому мыслящему человеку, сопряжен со здравым смыслом. Не только эллин, но и человек наших дней, понимает, что общество надо оберегать от внешних врагов, обеспечивать порядок. С этой колокольни он может, скажем, следить за полемикой нашего президента с бывшим министром финансов, который не видел необходимости выделять огромные средства на перевооружение армии. Казалось бы, вполне доступно, что во главе государства должны стоять предельно образованные и ответственные мудрецы. Кто оспорит? Но ведь такая принудительность социальной мысли стала сегодня притчей во языцех. Ознакомившись со статьей публициста Станислава Белковского, В.В. Путин не смог скрыть своего сарказма. Он объявил, что этот человек очень, очень мудрый. Понимать это следует таким образом: все вы умники, но попробуйте порулить государством.

Буева Л. Здесь нет убеждающей новизны. Каганович тоже любил повторять: «Больно вы все вумные...». А у самого образование-то было школьное...

Луков В. Конечно, в наших предыдущих обсуждениях мы ссылались также на книгу канадского ученого и писателя Джона Сола «Диктатура разума на Западе». Само название книги вводит нас в современные дискуссии «новых философов» во Франции, в постмодернистские искания. Все толкуют о том, что не дай Бог, чтобы во главе государства оказались ревнители мысли. Они-то и утащат человечество в пропасть.

Буева Л. «Новые философы» во Франции как раз и артикулировали эту мысль. Андре Глюксман, лидер «новых философов», считал, что все европейские беды спровоцированы «властителями-мыслителями». К этим создателям революционных теорий он относит Фихте, Гегеля, Ницше и Маркса. История, по Глюксману, это реализация идей, представленных в текстах великих авторитетов мысли, написанных специально для достижения господства. Другой лидер «новых философов» — Бернар-Анри Леви — разрабатывал концепцию «онтологии власти». Платон, очевидно, не мог и помыслить, что влияние философии на социальную жизнь может оказаться негативным, директивным и опасным.

Луков В. Он, вероятно, не предполагал, что идея сама по себе живет

собственной многострадальной жизнью. Робеспьер очень любил свою маму, которая была воплощением нежности. Он к тому же был учеником Руссо. Но за несоблюдение кантовского категорического императива легко отрубал головы непослушных.

Буева Л. Хайдеггер отмечал, что беспощадность запрета рождает тягу к разрушению.

Гуревич П. Мы можем отметить интеллектуальную отвагу Платона, который, вероятно, одним из первых попытался создать некий идеальный проект жизнеустройства людей, стремился сделать этот проект максимально понятным не только для Любомудров, но и для каждого отдельного человека. И даже более того, социальное устройство общества Платон пытался вывести из человеческой природы, из строения души человека. Он хотел показать, что только такое совместное бытие людей может обладать прочностью, стабильностью.

Буева Л. Задолго до Андрея Вознесенского Платон выразил его мысль «все режимы реакционны, если рушится человек». Отсюда и тема воспитания юношества. Молодое поколение должно получить должную социализацию.

Луков В. Именно так. Но еще раз подчеркну: не всего юношества, а тех молодых людей, которые готовятся стать стражниками, и тех, из кого воспитывают правителей. Занимательно, что в «Государстве» Платона буквально в самом начале этого знаменитого диалога возникает хорошо узнаваемый образ молодежного поведения: Кефал, обращаясь к Сократу, говорит об обычном для людей одного возраста, когда они встречаются вместе, деле: они «сокрушенно вспоминают вожделенные удовольствия юности — любовные утехы, попойки, пирушки и тому подобное — и брюзжат, словно это для нас великое лишение: вот тогда была жизнь, а теперь разве жизнь!». Описание утех юности такое же, как, к примеру, в «Фаусте» Гете, хотя расстояние между текстами во времени составляет тысячелетия.

Гуревич П. Краса резьбы причудливой твоей, Обычай толковать в стихах ее значенье И залпом осушать всю чашу в заключение Напоминают мне попойки юных дней. Не пировать уж мне, тебя опорожня... Луков В. Ну, да, «Фауст». Но у Платона на этом фоне неожиданными оказываются требования к юношам-стражникам, вытекающие из системы идеального государства. Уже в самом отборе тех, кому доверяется охрана государства, прослеживается жесткая линия: между юношей «хорошего происхождения» и породистым щенком, говорит Платон, нет разницы в плане их природных свойств: и тот, и другой должны остро воспринимать, проворно преследовать то, что заметят, и, если настигнут, упорно сражаться. В общем, должны отличаться яростным духом. Но и кротостью в отношении «своих». И снова как пример — породистая собака, которая со знакомыми кротка, а с незнакомыми — «как раз наоборот». Исходя из этой аналогии, «безупречный страж государства будет у нас по своей природе обладать и стремлением к мудрости, и стремлением познавать, а также будет проворным и сильным».

Буева Л. У Платона стражи добры в отношении своих сограждан и яростны, когда обнаруживается враг. В наше время это для кого идеал? Для

полиции, армии, ФСБ? Для тех, кому поручено истребить «цветные» революции?

Луков В. На фоне постоянно возникающих уголовных дел в отношении высоких начальников силовых и правоохранительных структур такой идеал уже и не вспоминается. Вот одно из свежих сообщений СМИ: Пресненский суд Москвы 5 октября арестовал старшего следователя Главного следственного управления столичного ГУ МВД Нелли Дмитриеву, обвиняемую в попытке получения взятки в размере 3 миллионов долларов. Вину она не признала и заявила, что готова дать показания против ряда высокопоставленных лиц. Речь идет о том этаже власти, который ответствен за правовой порядок в стране. Это и есть стражники, от которых, по Платону, мы вправе ожидать стремления к мудрости и стремления познавать. Сегодня от высшей школы власть (Минобрнауки и выше) только и требует, что подготовку в профессии. Но если хорошо профессионально подготовленный юрист не обладает нравственными качествами, то он опаснее для государства, чем преступник. По сути дела, Платон ставит вопрос о воспитании гражданственности.

Гуревич П. Не потому ли у Платона так детализированы вопросы воспитания стражников?

Луков В. Здесь идеальное государство проявляет чудеса принудительности — и, наверное, не без оснований. У Платона отбор подходящих для исполнения функции охраны государства юношей сопровождается их воспитанием — гимнастическим (для тела) и мусическим (для души). Система этого воспитания описывается платоновским Сократом с предельной детализацией. Из образования исключается все, что может формировать юношу в неверном направлении. Такой цензуре подвергаются даже мифы, например, о взаимоотношениях Урана и Кроноса.

Буева Л. Уран — представитель так называемого первого поколения греческих богов, свергнутых восстанием. Это вы имеете в виду, Валерий Андреевич? Его преемник Кронос тоже лишился власти в результате восстания под руководством младшего сына Зевса. Упрощенно говоря, миф не предполагает бескровной передачи власти.

Луков В. Нельзя, по этому предписанию, рассказывать юному слушателю, что, поступая крайне несправедливо, он не совершает ничего особенного, даже если он всячески карает своего совершившего проступок отца, как Кронос действовал в отношении Урана, и что он просто делает то же самое, что и «первые, величайшие боги». Устанавливаются требования к юношам, которых готовят в стражники: они должны давать отпор рассказам относительно богов и героев, осмеивая их как нечто недостойное, но, добавляет Платон, «наши юноши не должны быть и чрезмерно смешливыми» — следовательно, «нельзя допускать, чтобы изображали, как смех одолевает достойных людей и уж всего менее богов». Юношам должна быть внушена недопустимость «лгать собственным правителям», у них должна быть сформирована рассудительность, воздержанность, стойкость.

Гуревич П. Не только, не только ...

Луков В. А дальше — просто для наших дней: «Нельзя... позволить

нашим воспитанникам быть взяточниками и корыстолюбцами», и «пусть и не пытаются у нас внушить юношам убеждение, будто боги порождают зло и будто герои ничуть не лучше людей... А потому нам пора перестать рассказывать эти мифы, чтобы они не породили в наших юношах склонности к пороку». Установлены и другие требования, которые должны осваиваться юношами через подражание положительным образцам. И главное: «... наши стражи должны отбросить все остальные занятия и заниматься лишь охраной свободы государства самым тщательным образом и не отвлекаясь ничем посторонним. Им не надо будет делать ничего другого или чему-либо другому подражать. А если уж подражать, так только тому, что им подобает, то есть уже с малых лет подражать людям мужественным, рассудительным, свободным и так далее».

Гуревич П. Платон не толковал, к примеру, о всеобщем избирательном праве. Чужда была ему и мысль о равенстве всех людей. Разве каждый может быть героем, ощущать себя свободным гражданином или мыслить во всю мощь своего ума? Подражание героям — это мощный фактор социальной жизни. Но он забыт в наши дни. Наш идеал — не смельчак, не подвижник, не носитель доблести или бесстрашия, а «человек успеха».

Луков В. Забавно, но Платон подробно разъясняет, кто не достоин подражания. Не следует брать за образец женщин, рабынь, рабов и дурных людей. Но это не все. А также не надо подражать «кузнецам, различным ремесленникам, гребцам на триерах и их начальникам, вообще тем, кто занят чем-нибудь в этом роде», кроме того — «ржанию коней, мычанию быков, журчанию потоков, шуму морского прибоя, грому и прочему в том же роде». Как сегодня мы далеки от такой постановки задач перед стражами Отечества! И наивными (вроде не подражать мычанию быков) — но и самыми что ни на есть главными с точки зрения интересов государства и народа.

Буева Л. Здесь во всем видна четкость замысла идеального государства.

Луков В. Даже в музыке. Причем не только цензура, как в отношении мифов, указывала, что допустимо использовать в воспитании стражников. Устанавливалось, в каких ритмах должна создаваться музыка: не надо гнаться за их разнообразием и за всевозможными размерами, говорил Платон устами Сократа, но, напротив, надо установить, какие ритмы соответствуют упорядоченной и мужественной жизни. За этой мелочной детализацией стоит обобщение, представленное в знаменитом символическом образе пещеры, в которой люди, скованные с малых лет цепями, не могут двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Они видят только тени того, что происходит за входом в пещеру, принимая тени за реальную, перед ними протекающую жизнь, за истину. Если человеку из такой пещеры дать возможность увидеть подлинность вещей, он окажется в большом затруднении и подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь.

Гуревич П. Здесь о соотношении истины и насилия. Истина бывает обманчива, но нельзя человека принудить к ней. Не коренится ли в этой

детализации общественной жизни просветительское стремление силком разместить людей в счастье и благополучии? Именно в этом обвиняли Платона и Поппер, и Рассел, и другие философы. Нынешняя власть, и не только в России, внушает населению, что она лучше знает, чего хочет население. Более того, она без особых сомнений «загоняет» людей в «потребительский рай», в «постиндустриальное общество», в компьютерный Эдем. Скажем, базисные основания постиндустриального общества, по существу, не подвергаются философской экспертизе. Заведомо предполагается, что люди инертны и поэтому не спешат катапультироваться в новую цивилизацию. Но многие сопротивляются этой предрешенности. Они мечтают жить по ту сторону традиций и циркуляров. Они хотят ощущать себя вольными птицами. Погромы в Англии — лучшее тому свидетельство.

Буева Л. Разве только в Англии? Дошел черед и до Америки. Повсюду неожиданные всплески эмоций против общественного диктата.

Луков В. Свобода замещается своеволием.

Гуревич П. В «Литературной газете» была напечатана статья о том, что мы поразительно равнодушны к судьбе маргиналов, бомжей. Предлагалась организация ночлежек, столовых для бедствующих и бездомных. Такая постановка вопроса справедлива. Но у темы есть и иной аспект. Число социальных изгоев во всем мире растет в пугающей прогрессии. И вот парадокс: многие маргиналы вообще не хотят жить в социуме. Они убегают из ночлежек к кострам, дезертируют из ухоженных мест. Социологи пока скупко комментируют этот парадокс. Но ведь это как раз своеобразная реакция людей на общественные пути. Вспомним Пушкина: «Мы дики, нет у нас закона». Хорошо отлаженный быт, предустановленные общественные узы тяготят людей. Они протестуют против элементарных социальных правил, с удовольствием их нарушают. Культурные антропологи пугают нас неожиданным открытием. Оказывается, первобытные люди неохотно сбивались в группы, племенные стаи. Возможно, человек вообще не коллективист по определению. Платон, понятное дело, не мог в полной мере разглядеть эту проблему. Он, как и Аристотель, полагал, что человек — социальное животное.

Буева Л. Многие исследователи пишут сегодня о социальности как о неотъемлемом признаке не только человека, но и животных. Между тем, как отмечают специалисты, надо еще объяснить, почему каждая обезьяна существует в обособицу, но при этом имеет социальные навыки. Отечественный философ Федор Гиренок утверждает, что человек — не природное и не социальное существо. Маркс считал, что человек социален по определению. Оценим парадоксальность мыслительного хода этого философа. Одни философы утверждали: сначала был человек, потом возникло общество. Другие возражали: общество, напротив, первично. Человек только родился, а тут уже общество, некая предуготовленная связь людей. Маркс и Энгельс как бы связали воедино эти точки зрения. Человек и общество появились одновременно: никто никому не предшествовал. Маркс конкретизировал: «Общество. Т.е. сам человек в его общественных отношениях». Люди живут не в одиночку. Но здесь много спорного, неясного. Действительно ли человек стал

человеком благодаря коллективности?

Луков В. Но ведь во всех культурах сложилась социальная форма бытия. Если в обществе нет оплота, оно распадается. Платон размышляет о том, как обеспечить человеку условия для развития, для счастья. Но он осознает, что если человека будут насильно тащить в гору, к солнцу, он будет страдать и возмутится таким насилием, а увидев солнечный свет, будет ослеплен им и не увидит ничего из обещанных истин. Вот почему освобождение от мрака, постижение блага — вовсе не простая и не общедоступная задача, требующая предварительной подготовки. Но и способные к этому и прошедшие особую школу воспитания люди, ставшие философами (а это и есть в идеальном государстве Платона правители), также оказываются в отношениях должностования перед теми, кто остается слеп к истине: им, философам, предъявляется требование заботиться о других и стоять на страже их интересов.

Гуревич П. Но верно ли обозначено здесь философское призвание? После Фуко чаще всего в философской среде раздаются призывы максимально дистанцироваться от власти. Политика, следовательно, не имеет ничего общего с философией. Пусть люди, захваченные властоманией, управляют обществом. Но философия не может обслуживать политическую конъюнктуру. Политическое знание принадлежит свободно изменяющемуся сообществу, отдельным его акторам, не связанным между собой едиными целями, идеологией, волей к власти. Об этом пишет, например, Валерий Александрович Подорога в своей книге «Апология политического».

Луков В. Да, у любомудров нет опытного знания. Они не должны управлять государством. Они призваны критически перерабатывать социальный опыт. У Платона — иное. Если в обычном государстве философы вправе не принимать участия в государственных делах, поскольку стали такими вопреки государственному строю, то в идеальном государстве это совсем не так. «Вы, — обращается к философам платоновский Сократ, — воспитаны лучше и совершеннее, чем те философы, и более их способны заниматься и тем, и другим. Поэтому вы должны, каждый в свой черед, спускаться в обитель прочих людей и привыкать созерцать темные стороны жизни. Привыкнув, вы в тысячу раз лучше, чем живущие там, разглядите и распознаете, что представляет собой каждая тень и образ чего она есть, так как вы уже раньше лицезрели правду относительно всего прекрасного, справедливого и доброго. Тогда государство у нас с вами будет устроено уже наяву, а не во сне...». Здесь — с позиций нашего времени — та сторона платоновского проекта, которую можно считать романтической.

Буева Л. По мне как раз не романтическая, а именно прагматическая сторона дела. Нынешняя власть предлагает философам оперативно внедряться в экономику. Вот, к примеру, документ, посланный руководителям сектором от Российской академии наук: Предлагается немедленно отчитаться, над чем любомудры работают. Какова сфера применения их философских занятий — возможное практическое применение. В чем заключается вклад в научно-технологическое развитие страны? Какие потенциальные результаты могли бы стать основой обеспечения технологических прорывов. Ожидаемый вклад в

решение социально-экономических проблем, стоящих перед обществом. Сравнение с мировым уровнем (оценка конкурентоспособности).

Последний раз такое упорное стремление поставить философию на службу умелого хозяйствования наблюдалось во времена Хрущева. Тогда на защите диссертации, посвященной, скажем, тому же Платону, могли задать вопрос, как данное исследование может повлиять на повышение урожайности в нашем районе?

Луков В. Но это уже искажение социальной мысли Платона. Он учил: «каждому свое». Философ, вероятно, обязан созерцать темные стороны жизни, но создавать нанотехнологии ему не обязательно.

Гуревич П. Однако Платон для нас — лишь предупреждение к дискуссии. Ведь опираясь на Платона, можно сегодня анализировать, какой политический режим доказал свое превосходство. Древнегреческие мыслители — Сократ, Платон, киники, стоики, Аристотель — испытывали ненависть к тирании. Однако современная чернь, захваченная сильными страстями, комплексом воздания и расправы, буквально жаждет самовластья. Клань, борющиеся за наследство Каддафи, рискуют оказаться заложниками данного политического режима. Тирания держится на насилии, беззаконии, произволе. Когда тиран чувствует, что в народе вызрела мечта о «сильной руке», он способен развязать войну. Не секрет, что в наши дни все чаще раздаются голоса о неизбежности войны, которая рассматривается как неизбежный результат финансово-экономического кризиса.

Луков В. Мудрые греки выступали не только против тиранов. Они не признавали и другие, неправильные с их точки зрения режимы. Платон, в частности, отвергал тимократию, олигархию, демократию и тиранию. Он полагал, что каждая из этих политических форм служит примером порчи для идеального государства. Вместо справедливого распределения обязанностей в них преобладает насилие и насильное принуждение, вместо стремления к общим целям — жажда власти, вместо бескорыстия — алчность, вместо единства и согласия — раздор.

Гуревич П. Философы и писатели написали немало о том, что тоталитарное, тираническое общество может служить самым худшим вариантом для человеческого бытия. Роман Евгения Замятина «Мы» рисует Город, где происходит действие, тоже, как и по Платону, создается, исходя из модели сознания. Психика в этом произведении угнетена абсолютной властью рационального. Бессознательному — сексу и творчеству — отводится только два часа в день. Персонажи романа лишены сильных страстей, чувств, духовно обескровлены. В той же мере, как и у Оруэлла, в конце романа основные герои, испытав призрачность сопротивления «Старшему Брату», превращаются в душевно и духовно выпотрошенных людей. Но разве технократическое общество, рожденное идеей демократии, не ведет к тому же результату? Технократический рай вроде бы антипод тирании, но не ведет ли он к принудительности, хотя бы и другого рода?

2. Получили ли реализацию хотя бы отдельные мысли философа о

равенстве, справедливости, порядке или проект оказался утопическим?

Луков В. Упомянувшийся Сол пишет: «Мы живем в эпоху, которая продолжается четыре с половиной века. Из-за своей заикленности на прогрессе и подобострастия перед структурами мы были вынуждены давать ей разные названия, переименовывая десяток раз, и нам казалось, что эта карусель теоретических и фундаментальных концепций означает реальное движение. А реальность такова, что мы не продвинулись дальше базовых идей шестнадцатого века, которые ввиду отсутствия более совершенного определения нам пришлось назвать концепцией разума. И этот Век Разума пребывает с нами уже почти пятьсот лет».

Гуревич П. Вслед за Платоном мы хотим до предела рационализировать социальную жизнь. Античный мудрец, раскрывая структуру человеческой души, на последнее место поставил эмоциональную жизнь людей. Она менее всего поддается формовке. Любопытно, что в XVIII веке платоновская схема подверглась переосмыслению: ее лишили принципа иерархичности. Иначе говоря, разум, воля и эмоции стали рассматриваться как равноправные. Но вскоре ценность чувственных переживаний человека снова оказалась порушенной. Мы опять невольники Разума. Современные технократы считают, что нет такой сферы общественного бытия, которую невозможно отладить с помощью научной экспертизы. Однако иррациональная природа человека трудно поддается педантичному досмотру. Нескончаемые погромные вспышки в разных странах Европы. Макабрические пляски по поводу поверженного диктатора в Ливии. «Идейный» убийца норвежец Андерс Брейвик, которого нельзя причислить ни к нормальным, ни к «ненормальным» людям. Спутаны все психологические критерии. В европейских странах нарастает глубинное раздражение, вызванное бесконечным финансово-экономическим кризисом, который превратился в вечную страшилку.

Луков В. Карл Поппер критикует Платона за то, что он хочет видеть общество таким же прекрасным, как произведение искусства. А из этого как раз и следует принудительность. Если в обществе не все соответствует лекалам рациональности, то, согласно Платону, надо принимать меры. Но какие? Политик должен искоренить существующие институты и традиции. Он должен очистить, удалить, выслать, изгнать и убить. Платон, выходит, поощрял своих правителей к применению безжалостного насилия.

Буева Л. Мы говорили о том, что Платон не мог полагать, что за идею надо платить кровью. Но, оказывается, все-таки не только мог, но даже искал обоснования для таких экзекуций.

Гуревич П. Хотя Поппера и упрекали за радикальность его оценок, многое в его работе «Открытое общество и его враги», разумеется, справедливо. Вряд ли сегодня можно считать, что Платон, по сути дела, доказывал правомочность тиранства, тоталитаризма. Это, скорее всего, преувеличение, получившее признание в годы тотальной критики всякого авторитаризма. Но вот парадокс. Помню то время, когда философы и писатели активно изгоняли все привычки и навыки тоталитарного мышления. Был вечер,

посвященный памяти П.А. Флоренского. Выступавшие говорили о жертвах деспотизма. Все вроде справедливо. Но само мероприятие самым неожиданным образом напоминало что-то вроде пленума ЦК КПСС. Зачитывали списки людей, которых следовало посадить в президиум. Оглашалось письмо С.С.Аверинцева, который, прикованный болезнью к постели, приветствовал заседание. Громили и изгоняли инакомыслящих, принимались резолюции. Оказалось, что «свободная интеллигенция» буквально копирует навыки деспотизма, который она обличала. Менялся только состав избранных. Создавалась другая элита, но она тоже была захвачена властоманией. Судя по всему, Поппер был убежден в том, что расчеты с тоталитаризмом навсегда покончат с тираническими замашками и социальными навыками к принуждению. Такой процесс «очищения» сознания он считал радикальным, потому и начал с Платона. Хотя Поппер и пишет о том, что одно зло может повлечь за собой новое зло, однако о технократической утопии в двух томах его книги, по сути, ничего не говорится. Упоминаются социальные технологии, содержатся отдельные ссылки в комментариях. Но разве технократы свободны от похоти власти? Те самые философы, которых Платон просил пойти во власть, установили такую духовную диктатуру, что мы не успеваем даже понять, в какое общество мы парашютировали.

Буева Л. Но технократы — не философы. Скорее, может быть, социологи или менеджеры. Это уже другая социальная утопия — технократическая. В ней нет принудительной абстрактной истины, философской экспертизы. В этом случае на политическую арену выходят люди науки. Они объясняют, что их рекомендации не содержат ничего личного. Ведь технократы выступают от имени знания, по поручению социальной инженерии.

Луков В. Лозунги у неолибералов казались очаровательными. Надо строить общество на основе демократии и предпринимательства. Но что выявилось на практике? Хозяйственная деятельность, призванная быть эффективной, насаждалась принудительно. Демократия превратилась в инструмент, с помощью которого произошло перераспределение доходов в пользу элит, но за счет большинства. Политика структурных реформ была реализована, но главным образом за счет разграбления ресурсов России путем их присвоения. Посмотрим на современных технократов, которые модернизируют образование, здравоохранение, культуру. Их власть беспредельна. Они не обращают внимания ни на рекомендации науки, ни на мнение общественности. Они последовательно и методично разрушают те ведомства, которые им подвластны, регулируя финансовые потоки.

Буева Л. К власти пришли люди, которые не предполагают заниматься созиданием. Менеджеры нового поколения знают, как добиться прибыли. Этот критерий и оказывается единственным для оценки эффективности общественной жизни. Можешь получить дивиденды от реализации платного образования, способен снять с бюджета непосильное бремя, ты востребован. Знаешь, как использовать территорию бывшего завода для вселения фирмы, ты «человек успеха». Соображаешь, что игральные салоны приносят больше дохода, чем библиотека, можешь считать себя менеджером нового поколения.

Луков В. Но разве такие люди не пребывают в состоянии внутренней подорванности, не видят плоды своей деятельности? Надо, очевидно, понять, что они не только творцы новой жизни, но и ее жертвы. Из логики Платона вытекает простая мысль: если ты сконструировал некий социум, подумай, хочешь ли ты жить в нем? Будет ли тебе комфортно? Неужели вы убеждены в том, что технократам неуютно в современном технотронном мире?

Буева Л. Надо, наконец, признать, что востребованность социального знания в современном мире практически исчерпала себя. Политики больше соотносятся с текущей конъюнктурой, с личным обогащением или с логикой актуальной интриги, нежели с рекомендациями социальных инженеров. Властители сами рулят, но сами же оценивают результаты своей деятельности. Самим технократам в новом социуме, в котором есть безнадежная попытка с помощью научных рекомендаций отладить иррациональные процессы в обществе, не очень комфортно. Отечественный поэт Валерий Митрохин выразил это в таких поэтических строчках:

*В довольстве живу и в покое.
Откуда тогда наважденье вины —
Невнятное чувство такое?*

Гуревич П. Более семидесяти лет прошло с тех пор, как американская исследовательница Карен Хорни издала свою работу «Невротическая личность нашего времени». Особое внимание она уделила таким базовым потребностям человека, как стремление к власти и готовность к эксплуатации других людей. К невротикам она отнесла бизнесменов и политиков. Люди власти стараются доминировать, завоевывать престиж и добиваться благосостояния. Конечно, К. Хорни уточняет свою мысль: невротическое стремление к господству рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности.

Луков В. Но ведь и бизнесмен, человек успеха, тоже причислен Хорни к невротикам. Общество, построенное на конкуренции, на стремлении к обогащению, плодит ненормальных людей. Предприниматели, готовые добывать деньги из всего, что их окружает, становятся психотиками.

Буева Л. Кстати, так называемая «агональная конкуренция» — продукт античной культуры — строилась на иных посылах. Если ты опережаешь соперника, ты должен не только доказать свое превосходство, но и помочь бедствующему, отстающему. Недавно адвокат, которая защищала одного бывшего ректора от судебных исков нового ректора, спросила меня: «Мне все понятно, но почему эта женщина, она же и новый ректор, с такой невероятной мстительностью истребляет своего предшественника?». Мне пришлось сказать молодому юристу, что обозначилось новая страта людей, которая знает, что нельзя добиться успеха, если ты не уничтожила своего соперника. Идти по головам, добиваться удушения любой опасности — вот невротический портрет новых менеджеров.

Гуревич П. Почему политик становится искривленной личностью? Отечественные психоаналитики внесли немалый вклад в освещение этой

проблемы. Первая реакция психики на наркотик — снижение критики. От эйфории, от ощущения собственного величия, всемогущества, безграничности своих прав, которыми человек упивается на пике опьянения, невозможно, наверное, полностью вернуться назад, к трезвой и нелестливой самооценке. Соответственно накапливается и недоброжелательность к другим, недоверчивость, подозрительность: если я такой прекрасный, не получаю рукоплесканий, которых достоин, то кто же вокруг меня, как не заклятые враги? Обостренная обидчивость, уязвимость приводит к бессмысленной растрате сил. Психика регрессирует, но тоже по-особому, на более примитивный, инфантильный уровень.

Луков В. По мнению К. Хорни, далеко не во всех культурах в качестве ценности выступают власть, престиж или богатство. Власть — это способность и реальная возможность правителей или народа оказывать радикальное и всеобъемлющее влияние на деятельность, поведение, сознание и помыслы людей, распоряжаться их судьбами. В самых примитивных обществах, где основным источником существования была охота или собирательство, власть осуществляло лицо, которое по всеобщему признанию было компетентным для выполнения этой задачи. То, какими качествами должен был обладать этот человек, в большей степени зависело от конкретных обстоятельств. Как правило, эти качества включали жизненный опыт, мудрость, великодушие, мастерство, «внешность», храбрость. Во многих племенах не существовало постоянной власти. Она устанавливалась только тогда, когда возникала необходимость в ней. Разные представители власти осуществляли ее в различных сферах: ведения войны, отправления религии, решения споров. Когда исчезали или ослабевали качества, на которые опиралась данная власть, переставала существовать и власть.

Гуревич П. Хозяйственная элита тоже поражена невротическими искривлениями.

Луков В. Характеризуя психологическое состояние человека, увлеченного накоплением богатства, отечественный исследователь А.И. Белкин пишет: «Больной приходит в состояние безудержной эйфории. Возбуждение перехлестывает через край, срывая все тормозные системы психики. Резко возрастает агрессивность. Меняется представление о самом себе. Появляется ощущение всемогущества, исключительного значения собственной личности, дающего право на то, что между людьми считается запретным — вплоть до убийства, неприятие которого биологически заложено в человеке».

Буева Л. Но Хорни ничего не написала еще об одном типаже — чиновнике наших дней. Этот социальный персонаж обрел невиданную власть. Мздоимец, волокитчик, строго следующий параграфу, такой невротик всегда убежден в том, что он никому неподотчетен.

Луков В. Покинувший пост министра финансов Алексей Кудрин признался, что недооценил разрушительную мощь кризиса. Технократы уверяли общественность, что после Великой депрессии экономическая наука научилась регулировать финансовые процессы. Однако реальность постоянно опрокидывает все расчеты и предположения. И только Нобелевская премия по

экономике по-прежнему присваивается американским экономистам, как будто ничего опровергающего основы американской мечты не происходит и не произойдет никогда. И в новейшем мировом рейтинге вузов по-прежнему в первой десятке семь американских вузов, а из всех 200, попавших в список, 75 — «американцы». Разве что Гарвард уступил (впервые за восемь лет) первое место Калифорнийскому технологическому институту и оказался на одной ступеньке с другим калифорнийским образовательным чудом — Стэнфордским университетом. Именно здесь учат экономистов, в руках которых управление мировым капитализмом. Но что-то, видимо, не заладилось до такой степени, что из США в октябре поступали почти военные новости: «В настоящее время в Нью-Йорке и ряде городов США проходит акция протеста «Занимай Уолл-стрит!». Участники выступают против политики властей и финансовых институтов, называя ее «финансовым терроризмом». Еще одна новостная строка: «За минувшие сутки армия активистов движения «Захвати Уолл-стрит» продвинулась вверх по Манхэттену, растет и число протестующих по всей стране». Впечатляет.

Гуревич П. Но предположим, технократическая утопия восторжествовала. Люди живут в потребительском раю. Возьмем для примера современный Сингапур. Как сообщают газеты, два миллиона мигрантов-бедняков за полвека превратили остров в мировой финансовый центр. Сегодня каждый десятый житель Сингапура — миллионер. Власть страны победила коррупцию, богатые пополняют казну благодаря своеобразному налогу на роскошь.

Буева Л. Решена проблема жилья. Идет огромное строительство, доступное даже беднякам. Технократический принцип торжествует. Приглашая зарубежных специалистов, чиновники контролируют даже соотношение мужчин и женщин.

Гуревич П. У американского фантаста Роберта Шекли есть небольшой рассказ. Он называется «Стоимость жизни». Персонаж произведения живет в потребительском раю. Однако рано утром он удручен тем, что его знакомый Миллер покончил жизнь самоубийством. Герой рассказа живет в долг. Однако наслаждается предметами роскоши — настенный секретарь заменяет ему память. У него есть стереовизор, реактобиль, фонор, который меняет мелодии через каждые семнадцать часов. Многие чудеса роскоши стоят в прихожей нераспакованные. Достаточно нажать кнопку, и командооператор выполняет различные домашние работы, от уборки комнаты до приготовления пищи. «Сто лет назад даже первому богачу мира было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин». Но герой рассказа продолжает мучиться вопросом: почему Миллер покончил жизнь самоубийством? Наконец, он понял, что именно беспрерывно гнетет его. Ему не нравилось нажимать на кнопки.

Луков В. Мне кажется, мы ведем речь уже не о политических режимах. И тираническое, и либеральное общество на поверку в чем-то смыкаются. Деспотизм пытается трансформировать природу человека, добываясь от подданных не только бессмыслия, но и бесчувствия. Вот и либеральный рай благоустроил жизнь многих граждан. Однако создал такое благополучие,

которое заставляет думать о самоубийстве. «Именно этими причинами следует объяснить странную меланхолию, которую можно часто наблюдать у жителей демократических стран посреди окружающего изобилия, а также охватывающее их среди спокойного и удобного существования чувство отвращения к жизни», — писал французский социолог А. Токвиль. Можно также вспомнить страну, нарисованную братьями Стругацкими. Люди в ней «желудочно» удовлетворены, но в то же время утратили смысл жизни.

Гуревич П. Анализируя тот или иной политический планктон, мы словно воспроизводим кантовский принцип. Описывая общество определенного типа, мы задаемся кантовским вопросом: согласились бы вы жить в таком социуме? Уроки Платона можно уяснить только таким образом. То, что кажется многим политикам целесообразным, отвергается по определению существованием огромного массива людей. Может ли, стало быть, потребительское общество обеспечить людям благополучие и удовлетворенность жизнью? Комфортно ли человеку жить в неправом обществе? Долговечно ли безнравственное общество?

3. Как можно оценить современное российское общество в параметрах Платона?

Луков В. Английские мыслители и политики на протяжении многих столетий шлифовали идеал правового общества. Они были убеждены в том, что только под сенью закона люди обретают покой и защиту. Философы считали, что существуют определенные правовые нормы, которые соответствуют человеческой природе. Другие были убеждены в том, что законы природы похожи на нормативные законы, поскольку они введены волей и решением Создателя Вселенной. Вот и Пушкина, говорят, спросили: «Чего ты хочешь?». И он будто бы ответил: «Законов. А еще более их исполнения».

Гуревич П. Жизнь, однако, показывает, что дело не в законах и даже не в их исполнении. Нынешний президент России, оценивая собственную деятельность, называет впечатляющую цифру — сколько новых законов было введено в его политическую бытность. Но вот вопрос — оздоровилось ли общество, возникла ли благоприятная ситуация для предпринимательства, укрепилось ли у граждан осознание того, что они находятся под сенью закона? Или уже совсем просто — всеильно ли право? Так, много говорят и пишут о гражданском обществе. Призывают граждан защищать свои интересы, сетуют даже на безучастность нашей культуры к правовому устройству общества. Право рассматривается как панацея от всех российских бед. Да, Платон в «Законах» трактует государство и право еще более сурово и серьезно. Он делает ставку на неукоснительные и детальные положения, по сути дела, жестоко регламентируя публичную и частную жизнь людей. Определяется даже распорядок дня и ночи.

Луков В. Более того, он буквально внушает идею божественности закона, незыблемости учрежденных порядков и установлений. Напоминает даже о карах, которые последуют за нарушение закона после смерти. В диалоге

«Политик» Платон выделил формы государства, основанные на законе. По его словам, монархия, аристократия и демократия опираются на закон, тогда как тирания, олигархия и извращенная демократия управляются вопреки существующим в них законам и обычаям. Однако все перечисленные формы правления, как подчеркивалось в диалоге, являются отступлениями от идеального, «подлинного» государства, где политик единолично осуществляет власть, «руководствуясь знанием». Смысловое содержание учения Платона не совпадает с современными формулами правового государства.

Гуревич П. Но одна идея все-таки, мне кажется, сохраняет свою правомочность. Право, если оно не поддерживается моралью, оказывается разрушительным и пагубным. Во главе нашего государства оказались юристы. Казалось бы, вот счастливый шанс, когда власть и закон могут осчастливить общество. Но этого как раз и не произошло. Законы в России не только не соблюдаются, но они и не отражают, как правило, реальную жизнь. Некоторые философы удивляются: почему все толкуют в основном о праве государства, а не рядовых граждан? Подразумевается мысль: если бы право соотносилось с рядовыми гражданами, с их запросами, в России было бы построено гражданское общество. Но дело в том, что нельзя уповать на право как на единственный рычаг преобразования социума.

Буева Л. Правосознание выражает лишь один сегмент общественного устройства. Оно способно развиваться по собственным правилам, преследовать цели профессионального кретинизма.

Луков В. Как и все стороны жизни, право может подвергнуться бюрократизации.

Гуревич П. Эксперты утверждают, что в сталинские времена оправдательных приговоров было крайне мало. Примерно 3 процента. Но сегодня оказалось, что в современной юридической практике оправдание вообще эксклюзив. Допустим, следователь, прокуратура довели дело до суда, а судья не нашел состава преступления. Что же это получается? Неутомимая деятельность блюстителей закона признана бесплодной. Испорчены все показатели, которые характеризуют торжество ревнителей законности. Такой судья вряд ли сможет работать на данном поприще. Бюрократы от права сделают все, чтобы вытеснить слишком правильного судью из его судебной ниши. Что же удивляться тому, что оправдательных приговоров у нас чуть ли не в три раза меньше, чем при Сталине. Возникает вопрос: в каком обществе мы живем?

Луков В. Платон строил свое идеальное государство не на демократической основе, позволяющей свободно перемещаться в политическом и управленческом пространстве. Нет, у него все было последовательно сконструировано. Правители — не те, за кого голосует народ, а те, кто прошел с детских лет школу подготовки. Властители готовятся из стражников, воспитанных по правилам, когда даже музыку им нельзя было слушать всякую, а только ту, что способствует высоким нравам. Вот потом, после многих лет подготовки и службы, есть путь наверх: «Из этих юношей, когда им исполнится тридцать лет, надо будет опять-таки произвести отбор, окружить их еще

большим почетом и подвергнуть испытанию их способность к диалектике, наблюдая, кто из них умеет, не обращая внимания на зрительные и остальные ощущения, подняться до истинного бытия». Таков идеал.

Гуревич П. Согласен с вами. Современных политиков выносит на властный Олимп популистская волна, а не суровая школа добродетели. Но ведь у нас сегодня много учебных заведений, о которых говорится в рекламе — «Здесь готовят президентов». Учат политике, но, по сути дела, куют кадры чиновников, не отягощенных никакими добродетелями.

Луков В. Но все-таки этот политический идеал оказался только далекой звездой на политическом небосклоне. И я бы не сказал, что он не реализован. Весь вопрос в масштабе реализации. Мы знаем об институте праведничества, который во многом построен на самоограничении и самовоспитании, на преодолении шаг за шагом искушений. Или совсем другая сфера — опыт перевоспитания малолетних преступников в коллективе сверстников в педагогической системе А. С. Макаренко. Есть и еще одна сторона реализации платоновского проекта. Она относится к сфере философии политики, теории государства и права. А теорию не следует отрывать от реализации социальных идей.

Буева Л. Какую теорию вы имеете в виду?

Луков В. Думаю, это относится ко всей европейско-американской цивилизационной модели. Здесь и известные социальные утопии Мора или Кампанеллы можно иметь в виду. Но и Гегеля, его философию права, понимание государства. Гегель прозорливо выводил субстанциональное свойство государства (а у него оно — «обладающая самосознанием нравственная субстанция») из соединения принципа семьи и гражданского общества. В гегелевском понимании государства его сущностью является то самое единство, которое в семье проявляется как чувство любви, но форма ему придается посредством второго принципа, и это — форма опознанной всеобщности. Возможно, в этом понимании сущности государства центральное место занимает определение отдельного индивидуума в качестве его действительности. Этот поворот темы в «Энциклопедии философских наук» снова оказывается актуальным почти 200 лет спустя после того, как он был положен на бумагу. Государственное дело и сводится к тому, что индивидуумов необходимо сохранить в качестве лиц (чтобы придать действительность праву) и этим содействовать их благу. Хотя каждый при этом порядке заботится сам о себе, но всеобщими становятся две задачи: охранять семью и руководить гражданским обществом. Они и есть задачи государства.

Гуревич П. Платону было знакомо слово «кризис». Размышляя о социальных потрясениях, он вынашивал идеал героической личности. Античный мудрец восхищался Тимолеонтом, который славился не только воинской доблестью, но и чувством справедливости. Жители Сиракуз, уставшие от войн и внутренних столкновений, бежали в другие города. Нужен был спаситель. Тиранин? Душегуб, восстановитель порядка? Но Тимолеонт отличался даже кротостью. Он не стремился к самовластью, не страдал властоманией. После устранения тирана он вместе с другими политиками

приступил к разработке законов.

Буева Л. Этот тип поведения описан в диалоге «Законы».

Луков В. Мне кажется, сохранила свою значимость платоновская идея справедливости. Он, разумеется, связывал ее с силой законности. К примеру, академик Вячеслав Семенович Степин отмечает: для того чтобы изменилось состояние правового сознания, нужно, чтобы изменились базисные ценности культуры, чтобы они были приведены в соответствие с провозглашаемым общественным идеалом правового общества. Идеи всеобщего права стали проникать в Россию после того, как она стала осуществлять модернизационные реформы. В России справедливость всегда была выше права. Люди жили по обычаям, а не по праву.

Гуревич П. Однако эксперты отмечают, что социальная жестокость в нашей практике встречается гораздо чаще, нежели в других европейски? странах.

Луков В. Но право и не может быть мягкосердечным. Возьмите восточную практику. Иранскую актрису Марзиях Вафамер приговорили к 90 ударам плетью и году тюрьмы за деятельность, которая была расценена как критика властей этой исламской республики. М. Вафамер была арестована в июле 2011 года после выхода на экраны фильма «Мой продажный Тегеран». Картина снятая в сотрудничестве с австралийскими режиссерами, рассказывает о молодой тегеранской актрисе, которой запретили играть в театре. Однако девушка все-таки продолжила свою актерскую карьеру, держа это в тайне от властей.

Гуревич П. Но вернемся к российской действительности.

Луков В. В дилемме судить по законам или по «понятиям» обычно побеждали «понятия». Впрочем, и сейчас к этой формуле обращаются очень часто понимая ограниченность возможностей простого гражданина решать дело по закону. Еще со школы помню, как в «Грозе» Островского Феклуша рассказывала об иноземной жизни: «...и суд творят они, милая девушка, надо всем людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!»

Буева Л. Тогда это казалось очень забавным.

Луков В. Кто бы знал, что времена Кабанихи — впереди, что неправедность судов станет обычным делом в XXI веке, а по сравнению с Феклушиными страшилками еще и усилится. В общественном мнении утвердилось константа: справедливость сегодня не найдешь ни в ведомственных кабинетах, ни в суде. Новейший опрос Левада-центра показал, что доверие к правящей группе упало в сравнении с тем, что отмечалось в «лихие» 90-е годы в отношении кабинета Ельцина. А казалось, что ниже-то падать некуда. По данным этого опроса, 29% россиян считают, что правительство не может справиться с проблемами в экономике, 22% — что у

власти нет четкой программы экономического развития; 22% убеждены, что правительственные чиновники коррумпированы и действуют только в своих собственных интересах, а 19% — что они действуют в интересах крупного бизнеса.

Гуревич П. Идея справедливости имела множество смысловых оттенков. И одним из них был идеал справедливого государя, который мог бы защитить народ от произвола и лихоимства чиновников. Приоритет индивидуальных свобод укоренился в новоевропейской культуре «проекта Модерн». Он сформировался в процессе становления техногенного типа цивилизационного развития. Именно здесь складывался идеал свободной и суверенной личности, которая может включаться в различные социальные общности.

Луков В. Многие философы говорят сегодня о непреложности правового общества. Именно в правосознании они усматривают огромную целительную мощь. При этом абсолютизируется британский опыт. Закон при этом ставится даже выше морали.

Гуревич П. В.А. Лекторский отмечает, что закон и право — это не одно и то же. Законы могут быть неправовыми. Любое право, как бы его ни трактовали, не может противоречить закону справедливости. Разумеется, сама справедливость может трактоваться при этом по-разному. Но в любом случае в основе права лежит принцип формального равенства, и из этого вытекают некоторые важные следствия, связанные с пониманием человека и его ценностей. Сама степень свободы человека может меняться, потому что современная цивилизация настолько сложна и становится еще более сложной, что возникает необходимость еще большего контроля над тем, что делает человек. Сама граница между частной жизнью и жизнью нечастной, публичной постепенно размывается.

Луков В. Если на одном полюсе можно было бы поставить платоновское государство, то на другом оказалась бы Россия. Это не значит, что Россия наиболее далека от идеала, каковой лежит в основе «Государства» Платона. Рядом с Россией на том самом полюсе можно поместить Украину, Грузию и некоторые другие государства, образовавшиеся на месте бывшей сверхдержавы СССР. Они, в общем-то, такие разные, оказываются на «полюсе холода» рядом по той причине, что в их ценностно-нормативной системе, на которой, собственно, и держится социальный строй, произошли такие тектонические смещения, что она оказалась бесповоротно разрушенной. Это и называют аномией, то есть утерей регулирующей силы социальных норм.

Буева Л. Выходит, мы возвращаемся к Платону по логике наших рассуждений.

Луков В. Платоновское государство сильно своей нормативностью. Оно устанавливает правила в сущих, по нашим меркам, мелочах, поскольку философский проект не знает мелочей в отношении блага. Россия уже четверть века пересеивает свое ценностно-нормативное поле, но это — как с газоном: сеешь «разумное, доброе, вечное», но сорняки легко подавляют твой романтический порыв и устанавливают свои правила. Вот один депутат Госдумы пишет в докторской диссертации: «Специфика основных тенденций

трансформации управления системой социальной защиты населения в постсоветский период обусловлена необходимостью создания государственного института восстановления доверия населения к власти и проводимым ею реформам».

Буева Л. Разве доверие к власти обусловлено только созданием некоего государственного института?

Луков В. Можно, конечно, бросить автору с высоты теории упрек в непонимании того, что такое государственный институт, но сделаем по-другому: посмотрим в существо вопроса. А тогда все это не покажется такой уж ересью, поскольку восстановление доверия к власти у обычного человека в периоды смуты и аномии (отсутствия или ослабления до нижнего предела социальной нормы) становится институциональной задачей, без решения которой институты государства и права оказываются дискредитированы перед своим народом и потому беспомощны.

Гуревич П. Доверие к власти — важнейший показатель стабильности общества. Но ведь нам с вами приходилось обсуждать тему дистанцирования власти от народа, от его потребностей. Возможно, это только риторика — доверие к власти. Сейчас наши властители в канун выборов произносят много слов, постоянно разъясняют народу свои планы. Демонстрируется огромный энтузиазм по этому поводу. Рождается своеобразный политический театр. Имитируются полемика, искренность, реальность планов. Но укрепляется ли доверие к власти?

Луков В. Вряд ли поможет та резвость высших органов власти России, с которой они перекладывают на православную церковь заботы о восстановлении доверия к государству. Патриарха уже и в депутатские разборки втягивают (из сообщений СМИ недавнего времени: «После драки с Лебедевым Полонский попросил совета у тандема и Патриарха»). Здесь надо бы вспомнить Людвига Фейербаха, который в комментариях к трудам Пьера Бейля подчеркивал: «Собственно говоря, религия мыслится как партикулярный принцип, а не как принцип сохранения современных государств». И уточнял: «Вернее, долговечность современных государств происходит именно от того, что они обособили от себя религиозный принцип, отвели ему, как и подобает, особую сферу внутри самих себя, но не слили с ним воедино свою сущность. У греков и римлян, наоборот, дело государства было слито с делом религии: боги были высшими государственными законами... Поэтому древние государства погибли вместе со своей верой. Но современное государство, которое идентифицирует свое дело с делом религии, губит себя или уже погибло, ибо оно ищет помощи вне себя».

Буева Л. Мудрая мысль. Но ведь и церковь, которая включается в социальные разборки, утрачивает свою главную миссию — окормление масс.

Луков В. Есть еще одна парадоксальная возможность оценить современное российское общество в параметрах Платона. Если у Платона надо было стать философом, чтобы управлять государством, то ныне все иначе: если ты не взошел на пирамиду власти, то тебе придется научиться философски смотреть на жизнь. И научиться у Козьмы Пруtkова не верить глазам своим.

Иначе нельзя смотреть телевизор, который строит свой новостной блок так, что не остается сомнений: мир сошел с ума. Американский психолог Филинг Райе пишет, что средний современный ребенок к 14 годам уже увидел на телеэкране 18 тысяч убийств. Раньше бы мы сказали: это там, у них. Но нынче — это и у нас. Исследование по России, проведенное в рамках научно-исследовательской программы РАО «Социология образования», дало такой результат: российский телезритель видит на экране сцену насилия в среднем каждые 15 минут, а в вечерние часы — каждые 10 минут.

Гуревич П. Но экран стал еще и творцом новых политических технологий. Ток-шоу властителей по всем каналам. Мы начинаем осваивать опыт манипулирования, накопленный Западом. Когда должна была состояться инаугурация президента Буша, Белый дом опубликовал точное описание церемонии предстоящего прощания. Рональд Рейган покидает свой пост. Буш провожает господина Рейгана до вертолетной площадки на Капитолийском холме. Поднявшись на вертолет, Рейган поворачивается и отдает честь президенту Бушу. Это напоминает библейский сказ о том, как Иоанн Креститель посвящал Христа в реке Иордан.

Буева Л. Но чем больше политических технологий, тем меньше доверия к власти.

Луков В. Философ нашего времени вряд ли станет правителем. Теперь он призывает смотреть на происходящее глазами стоика. Стоит ли переживать по поводу предстоящих выборов — ведь «лучше все равно не будет».

Гуревич П. А может, и не так? Перед философами возникает другая задача — прояснить общественное сознание, не исповедовать холопство, давать точную характеристику социальных процессов.

Луков В. Предлагаю вспомнить знаменитую сентенцию Панглоса из вольтеровского «Кандида»: «все к лучшему в этом лучшем из миров». Оптимизма такого масштаба высоким политикам хватает, а мне нет. Чем не оптимизм — ответы премьер-министра на вопрос лауреата Бунинской премии Захара Прилепина про 4 миллиарда долларов, пропавших в компании «Транснефть» при строительстве трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан»? «Путин, комментируя вопрос Прилепина, заверил его, что при строительстве трубопровода не было совершено никаких преступлений, а было лишь «нецелевое расходование средств», притом в коммерческой, а не государственной компании. «Если бы там было что-то уголовно наказуемое, то я вас уверяю — там уже давно за решеткой сидели бы люди», — сказал Путин». Так описывает ситуацию Интернет. Это почти чудесно, почти чудесно! И в самом деле, все к лучшему в этом лучшем из миров.

Гуревич П. Между прочим, Платон, вероятно, находился не в лучшей ситуации. Ведь это ему пришлось уговаривать тиранов внять голосу разума. Кто-то из коринфян спросил Дионисия Младшего, что получил он от личного знакомства с Платоном. Тот ответил: «Неужели тебе кажется, что я ничего не взял у Платона, если так спокойно переношу превратности судьбы».

Буева Л. Нам предстоит еще ответить на вопрос, в каком обществе мы хотели бы жить?

Луков В. Все-таки в ответе на вопрос, поставленный перед нами, мы можем опираться не только на свое мнение, но и на мнение жителей нашей страны, то есть тех людей, которые живут в том же обществе, что и мы. Несколько лет назад, в 2004 году — не то чтобы недавно, но и не так уж давно — был опубликован доклад под названием «Кем мы себя ощущаем и в каком обществе хотели бы жить?». Это итог исследования, которое провели в Институте комплексных социальных исследований Российской академии наук по инициативе представительства Фонда имени Фридриха Эберта (Германия) в РФ. В отчете мудро замечено: «Разные поколения по-разному смотрят на различные этапы российской истории». Мне это напомнило, как в 1968 году на одной международной встрече начальная версия фразы из коммюнике звучала так: «Участники встречи осуждают ввод войск пяти стран Варшавского Договора в Чехословакию». После того как наши поработали с делегациями, фраза зазвучала так: «Участники встречи по-разному оценивают события лета 1968 года в Центре Европы».

Буева Л. Еще древние заметили, что смысл меняется даже от перестановки слов.

Луков В. Но это сказал попутно. В общем-то, тогда было установлено (в других исследованиях картина была такой же), что старшие поколения гордятся не тем, чем младшие, когда говорят о своей стране. Но уже тогда, в середине 2000-х, стало ясно: большинство россиян не считают времена СССР временами «70-летнего кошмара», а ведь именно на такую оценку общества, с которым мы расстались, были брошены все силы внутренней и внешней пропаганды демократических, так сказать, правителей. Вот он, глас народа. Тогда только 20% опрошенных — и из молодых, и из стариков — соглашались с утверждением, что «во всей 70-летней истории Советского Союза найдется мало того, чем россияне могли бы гордиться».

Буева Л. Сейчас нам сообщили, что период застоя уж и не был так плох...

Луков В. Семь лет назад по итогам упомянутого исследования делался вывод об устойчивом тяготении соотечественников к жизни в государстве со смешанной экономикой и с сильной регулирующей ролью государства, его доминирующим присутствием в большинстве отраслей экономики. «При этом они считают, что все стратегические отрасли и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства». Почти советская модель, без ее очевидных противоречий, перегибов и ошибок управления. А сегодня понимание в народе того, от какого великого наследства за нас попытались отказаться, усилилось. По всему видать, что зреет поворот в мозгах, который на вопрос, в каком обществе Вы хотели бы жить, странным образом не ответит, что в нынешнем.

Буева Л. Зато есть прекрасные поэтические строчки: «Ненавижу я власти любые, кроме нынешних, правда, властей».

Луков В. В оценках того общества, в котором хотелось бы жить, стоило бы избрать принцип простоты, а даже, возможно, и предельного упрощения, двигаясь в этом вслед за Александром Александровичем Зиновьевым. Он вывел

замечательные по простоте социальные законы, которые выразил пословицами, вроде той, что своя рубашка ближе к телу. Он подчеркивал, что фундаментальные законы социальной жизни до примитивности просты и вовсе не романтичны.

Буева Л. Трудно оспорить. Законы жизни вообще не столь уж и затейливы.

Луков В. Напомню, как в «Глобальном человечнике» он в уста Фила вкладывает такое размышление: «В детстве мне пришлось прочитать сказку об ослике, который, увидев в луже лягушку, решил сделать ей добро и вытащил ее из лужи на раскаленный от солнца камень. Но лягушка вместо благодарности с гневом обрушилась на ослика. Ослик удивился и спросил о причине гнева. Лягушка ответила, что лужа — ее родная стихия, а солнцепек для нее смертельно опасен. Истина банальная. А мы между тем с ослиным упорством вытаскиваем незападных «лягушек» из привычных для них «луж» на гибельный для них западный «солнцепек». Вообще, подход Зиновьева очень глубок, и глубину придает ему понимание жизни в ее естественном основании. Политические манифесты уводят от этой простоты, но в каждодневной обыденности дела и чувства человека соразмерны его картине мира, а сам этот мир чаще всего простирается в пространстве, ограниченном «скорлупой повседневной жизни», как метко заметил культуролог А. Моль. Если в масштабах такой «скорлупы» (а масштабы различаются для людей с разным образом жизни, уровнем образования, кругом постоянного общения и т. д.) все более или менее хорошо, то общество тоже кажется «хорошим». Вообще, в анализе общества его идеальная модель, вроде платоновской, сегодня не столько актуальна, как модель «хорошего общества».

Гуревич П. Этой темой в Институте философии занимается В. Г. Федотова. Впрочем, в этих терминах мыслили и Абрахам Маслоу, и Эрих Фромм. Монография Валентины Гавриловны посвящена социальным изменениям, произошедшим в обществе за последнее время, и поискам наиболее приемлемых альтернатив, которые реально могли бы улучшить жизнь людей. Процессы модернизации и глобализации рассматриваются здесь под углом зрения их социального, экономического, политического и нравственного результата. Учитываются такие новые феномены, парадоксы эпохи, как повышение риска, изменение соотношения локального и глобального, ослабление Вестфальской системы национальных государств одновременно с усилением национализма, ростом локальных войн и терроризма вместо ожидавшегося мира.

Луков В. Да, она попала в яблочко, занявшись этой темой. Общество, в котором мы хотим жить, — меньше всего идеальное общество и больше всего — общество, о котором можно сказать, что оно хорошее. Точно так же у человека складывается представление о «хорошей жизни», то есть жизни удобной, доставляющей радость, не бьющей тебя каждый день по голове. Мы во многих своих исследованиях задаем вопрос о «хорошей жизни» молодым людям, студентам. Четыре ключевые позиции сохраняют устойчивый приоритет в оценках студентами того, что для них есть «хорошая жизнь», а

именно: «быть материально обеспеченным»; «иметь хорошую семью»; «быть здоровым»; «иметь хорошую работу». Все другое имеет гораздо меньшую ценность. Вот, собственно, и ответ поколения, за которым будущее России: общество, в котором хотелось бы жить, такое, какое позволяет жить в любящей семье, не испытывающей особых материальных проблем, не болеть, идти на работу с желанием. Так все просто!

Гуревич П. Конечно, просто. Только это всего лишь ожидания, приоритетность частных целей. Но мы должны завершить другую тему — тему социального бытия людей, а не их житейского благополучия. Хотя, конечно, эти темы связаны.

Луков В. Еще, Павел Семенович, два слова о наших исследованиях среди студентов российских вузов. Один из вопросов, который мы задавали, звучал так: «Если бы вам предложили выгодный контракт, который предполагает выезд за границу на постоянное место жительства, Вы бы согласились?» В начале 2000-х годов «да» говорили примерно 30% опрошенных студентов, в 2009-м — больше половины и еще одна треть не определились, сказать ли «да» или «нет». Надо ли в таком случае считать положительный ответ антипатриотичным? Очевидно, что это лишь некоторая направленность мысли, а не принятое решение. В молодых головах брожение мыслей всегда было свидетельством становления, поиска своего пути в жизни. И все же. Вот вопрос: «Если бы Вы могли выбрать, то в какой стране мира Вы хотели бы родиться?». Из отвечавших на него российских студентов чуть больше половины (54%) предпочли свою страну. А что же другая половина? Почти 7% предпочли бы родиться в Великобритании, почти 6% — в США, от 3 до 4% — во Франции, Германии, Италии, на Швейцарию и Японию с той же мыслью смотрят примерно 2%. Во всем этом проглядывает какая-то тревога за свое будущее. В аномичном обществе не на что опереться молодому человеку (впрочем, и старому), и есть стремление скрыться от всего где-то там, где нас нет. Для тех, кто не мыслит своей жизни вне Родины, а я отношу себя к этой части наших сограждан, связь с Россией реализует то (воспользуюсь словами великого гуманиста Пико делла Мирандолы), что человек связан с природой «как бы брачными узами». Свобода воли может вести нас в далекие и прекрасные земли, «где нас нет». Может низвести до положения игрушки в руках властителей. Но может принудить нас (хоть это и свобода, но — воли!) идти по жизненному пути, стремясь к высоким целям, высоким идеалам. Идеалу государства — в том числе.

Гуревич П. Обсуждение темы, предложенной для дискуссии, прежде всего, показало, что экспертиза Карла Поппера, который считал «чары Платона» предвестием тоталитарного мышления, несостоятельна. Античного мудреца можно попрекнуть чем угодно — его философской наивностью, когда он предлагает тирану реализовать его социальный проект, или когда он идеализирует прошлое в виде быта дорийских пастухов. Но в текстах Платона вряд ли отыщется двоедушие, то самое политическое лицемерие, которое стало привычным в наши дни. Философ с негодованием бы отверг предложение прихватить богатые нефтяные края под флагом борьбы с тиранией. Он не

принял бы и всяческие «обоснования», толкующие о том, почему тот или иной правитель должен немереное время оставаться у власти. Платон не принял бы и политический театр, который отвлекает людей от реальных жизненных проблем и погружает в мир социальной демагогии. Он первым заговорил о несчастной судьбе тирана, который становится рабом своей алчности и похоти власти. Ему была глубоко чужда мысль о том, что можно отдать в рабство собственную родину. Платон не был и утопистом, который боготворил собственный проект. Он полагал, что полную, окончательную справедливость в государстве могли бы осуществлять только боги, если бы они снизошли до непосредственного управления людьми. Но Платон не согласился бы с оценкой справедливости как химеры, которая никогда не получает реализации. Он оценивал властителя не по достигнутым им общим показателям отвлеченного «роста», а по тому, насколько свободно и комфортно чувствуют себя граждане достойного общества.

Опираясь на Платона, мы пытались взглянуть на мир в целом, на историческую динамику. Можно ли считать, что идеи Платона не получили реализации в истории? Обсуждение показало, что это не так. Человечество так и не смогло реализовать проект, предложенный Платоном. В Европе сменилось немало политических режимов. Она познала парламентскую монархию в Великобритании. Она пережила и опыт абсолютных монархий, как в Пруссии, Испании или России. Европа выстрадала и тоталитарные режимы, переболела тотальным либерализмом.

Сегодня, когда в политическую практику вторгается судьба восточной деспотии, мы с особой остротой осознаем — трудно, почти невозможно представить себе идеальное общество, как невозможно изобрести и идеального человека. «Хорошее общество» грезилось не только А. Куприну или А. Маслоу. О «здоровом обществе» рассуждал Э. Фромм. Но и эти проекты не получили реализации. Менялись режимы, цивилизация разворачивала все новые и новые ресурсы. Но про социальные проекты можно было бы сказать словами О. Мандельштама: «Нет, никогда ничей я не был современник». Не получив воплощения, идеи Платона оказали громадное воздействие на общественную мысль. Здесь уместна ссылка на Канта, который считал, что хорошо продуманная мысль не теряет своего значения, даже если она не получила осуществления в реальности. Иначе говоря, тем хуже для этой реальности.

Мы сегодня говорим о диктате закона. В период становления гражданского общества в Европе эта идея была безупречной. Но наше обсуждение показало, что нет такой сферы многообразной общественной жизни, которая могла бы осчастливить социум. Верховенство закона, оторванного от нравственных основ и интересов людей, рождает новые опасности.

Демократию сегодня сводят только к всеобщему избирательному праву, закон толкуют как средство укрепления властных полномочий, социальную справедливость как лицемерие мультикультурализма. Общество становится комфортным, когда в нем есть обширное пространство для самодеятельности людей. История сама по себе, как подчеркивал К.Маркс, ничего не творит.

Социальный континуум создают люди. Они руководствуются традициями, здравым смыслом, неумным стремлением изменить жизнь. Но нам досталось от Платона только убеждение в том, что чем больше будет разного рода регламентации, тем лучше для людей. Но это не так. Ни чиновничий произвол, ни юридическое формотворчество, ни политическая демагогия не направлены на устройство жизни людей. Общество нуждается сегодня не в имитации мнимого содействия техническому прогрессу, а в серьезных философских экспертизах.